

Наталья Потапова

Военная травма 1812 года:

ФИЗИЧЕСКИЕ УВЕЧЬЯ И ПУБЛИЧНАЯ НЕМОТА

Natalia Potapova

War Trauma of 1812: Physical Injuries and Public Dumbness

Наталья Потапова (Европейский университет в Санкт-Петербурге, исследовательский центр «Res Publica», научный сотрудник / факультет истории, доцент; кандидат исторических наук) n.d.potapova@gmail.com.

Natalia Potapova (PhD; Researcher, Res Publica Research Center; Associate Professor, Faculty of History, European University at St. Petersburg) n.d.potapova@gmail.com.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, история тела, военная травма, антивоенные дискурсы

Keywords: Napoleonic Wars, body history, trauma studies, anti-war discourse

УДК: 93/94+930.23

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_106

UDC: 93/94+930.23

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_106

В статье анализируется связь между формированием антивоенных дискурсов и социальным присутствием раненых в обществе, новыми формами культурного опыта жизни с искалеченными войной телами после Наполеоновских войн, изменением медицинских практик заботы о раненых, связанных с желанием преодоления маргинализации, исключения и немоты в связи с шокирующими телами. Автор доказывает, как травматичный опыт Наполеоновских войн был связан с зарождением антивоенного дискурса модерности.

The article analyzes the correlation between the production of anti-war discourses and the social presence of the wounded in society, new forms of cultural experience of survival with war-damaged bodies after the Napoleonic wars, changing medical practices of caring for the wounded associated with the desire to overcome marginalization, isolation and muteness in connection with bodies that shock. The author proves how the traumatic experience of the Napoleonic wars was entangled with the anti-war discourse of modernity.

Рождение современного антивоенного дискурса принято связывать с кровопролитным опытом Крымской войны, ужасом от нового опыта столкновения человека с техникой, который пытались осмыслить в терминах «технологического превосходства держав» и противопоставить которому удалось только слово — гуманистическую прозу Льва Толстого. Илья Калинин доказывал, что травматичный опыт войны был впервые выражен в этот период: «Под Севастополем новый тип войны встретился с современным способом ее репрезентации... им стала фотография... [и] визуализирующая внутренний опыт поэтаика Льва Толстого» [Калинин 2012: 35]. В то время как инструкции военного командования запрещали «фотографировать мертвых, увечья и болезни» [Там же], Толстой публично заявил, что война бездушно производит искалеченные тела. «Фотографичность» письма позволяла Толстому претендовать на позитивистскую объективность свидетельства, предлагая читателю «увидеть войну не в правильном, красивом и блестящем строе (здесь и далее курсив мой. — Н.П.), с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидеть войну в настоящем ее выражении — в крови,

в страданиях, в смерти»¹. В каждой фразе «Севастопольских рассказов» Толстого было понятно, что находится в кадре и какой слышен звук, в этом была новая фотографическая, почти кинематографическая точность его прозы:

В той комнате делают перевязки и операции. Вы увидите там докторов с окровавленными по локти руками и бледными *угрюмыми* физиономиями, занятых около койки, на которой, с открытыми глазами и говоря, как в бреду, *бессмысленные*, иногда простые и трогательные слова, лежит раненый под влиянием хлороформа. Доктора заняты *отвратительным*, но благодетельным делом ампутаций. Вы увидите, как острый кривой нож входит в белое здоровое тело; увидите, как с *ужасным, раздирающим криком и проклятиями* раненый вдруг приходит в чувство; увидите, как фельдшер бросит в угол отрезанную руку; увидите, как на носилках лежит, в той же комнате, другой раненый и, глядя на операцию товарища, *корчится и стонет* не столько от физической боли, сколько от моральных страданий ожидания, — увидите ужасные, потрясающие душу зрелища... отбитые висевшие члены... разбитые, раздробленные кости... прободение ран... хрипы... ужасные стоны, смерть².

Толстой публично заявил, что на войне людьми движет не стремление к подвигу и самопожертвованию, а *страх* в разных его проявлениях. Сделав публичным шокирующий опыт увечий, причиненных войной, и опираясь на публичный успех военно-полевой хирургии, Толстой не только разорвал романтический канон, но и ostrанил конвенциональную рациональность войны, дав импульс антивоенным дискурсам Нового времени.

Это невозможно опровергнуть. Но невозможно опровергнуть и то, что каждая следующая война Нового времени была технологичнее и разрушительнее прежней и производила подобный шок начиная с эпохи Возрождения, времени, когда артиллерия, а не поединок стали определять исход сражений [Starn 1984: 52—53] (о том, что технологический шок — общее место современного опыта войны см.: [Huppauf 1993: 41]). В этой перспективе невозможно отрицать и шокирующие масштабы Наполеоновских войн, которые прорываются в риторике «бойни» при Бородино, Кульме, Лейпциге или Ватерлоу.

В данной статье я буду доказывать, что *принципиальным* для развертывания антивоенного дискурса Крымской войны был не новый опыт видения, произведенный фотографией (отрицать влияние которой, конечно, бессмысленно; визуализация работала на усиление артикуляций), а лишь публичный характер начатого Толстым обсуждения. Травматичный опыт войны складывается в дофотографическую эпоху и связан с разрушительным характером масштабных европейских войн, которые вела революционная Франция во главе с Наполеоном. На этом настаивал сам Толстой, в романе «Война и мир» он представил публике образ героя 1812 года как субъекта страшной войны, приносящей неизменный опыт страданий:

На том самом месте, где он упал с древком знамени в руках, лежал князь Андрей Болконский, истекая кровью, и, *сам не зная того, стонал тихим, жалостным и детским стоном*. К вечеру он перестал стонать и совершенно затих. Он не знал, как долго продолжалось его забытьё. Вдруг он опять почувствовал себя живым и

1 Толстой Л.Н. Севастополь в декабре месяце [1855] // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1935. С. 9.

2 Там же. С. 8—9.

*страдающим от жгучей и разрывающей что-то боли в голове... Князь Андрей не помнил ничего дальше: он потерял сознание от страшной боли*³.

Этот образ разрывал каноны официальной памяти о войне 1812 года с ее риторикой триумфа, блеска мундиров и наград, прославляющих триумф русского оружия над наполеоновской Францией. Эта борьба *публично* рационализировалась в терминах любви к Отечеству, любви народа к своим военачальникам, государю, земле [Зорин 2001: 241—255], а вовсе не боли и бессознательного безумия. То, с какой легкостью Толстой разорвал старый канон, обычно объясняли его мастерством и новым опытом видения, поддержанным новыми технологиями (начавшаяся вскоре гражданская война в Америке также опиралась на эти новые формы визуализации разрушительного опыта, см.: [Trachtenberg 1985]). Илья Калинин утверждал, что это был разрыв, немислимый ранее, поскольку «культурно-политическая рецепция Наполеоновских войн обладала мощным идеологическим зарядом [как] историческое столкновение нового постреволюционного режима и Старого порядка... обладала она и мощным романтическим ореолом прошлой большой войны, окружавшим фигуру Наполеона» и победу над ним [Калинин 2012: 38—39]. Этот парадокс уже был не раз отмечен современными исследователями: война с Наполеоном была изнурительной и опустошающей [Лышковская 2010],

со значительными потерями в русской армии, в том числе небоевыми (связанными с истощением людей вследствие передвижений на огромные расстояния по плохим дорогам при плохом климате, недостатком продовольствия, воды и теплого обмундирования, распространением болезней и эпидемий). Но в официальной *публичной* памяти война предстает «легкой» (чуть ли не водевильной), красивой и эффектно выигранной [Чистякова 2013: 32].

Моя гипотеза в данном случае состоит в том, что на уровне семейной памяти дискурс начал меняться задолго до того, как публичные высказывания Толстого оказались возможными. Причина его успеха не только в том, что в России появляется наконец публичная сфера, существует публика, способная противостоять официальной идеологии и патриотическому милитаристскому дискурсу, но и в том, что к тому времени опыт *личной и семейной* памяти о войне убеждал в осмысленности и правоте того, о чем решился публично заговорить Толстой. Семейная переписка фиксирует для двух эпох — после Крымской войны и после Наполеоновских войн — схожую способность субъекта остранить патриотизм как наваждение, связанное с травматичным опытом прошлого: «Я просился в Крым... больше из патриотизма, который в *то время*, признаюсь, *сильно нашел* на меня»⁴, «солдаты *по приказанию начальства* кричали ура!.. я задумался, и с странным каким-то чувством внимал радостным *без причины* восклицаниям людей, *бредущим* в незнакомые страны *по неизвестным для них причинам*»⁵. Обсуждая с отцом возможность новой

3 Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 1 // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 9. М.: Художественная литература, 1937. С. 355—356.

4 Толстой Л.Н. Письмо С.Н. Толстому, 3 июля 1855 // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 59. М.: Художественная литература, 1935. С. 320.

5 Муравьев-Апостол С.И. Письмо отцу, И.М. Муравьеву-Апостолу, Кременчуг, 21 апреля 1821 года // <http://decabristy-online.ru/doc/dok3-pravilnaya-perepiska/s-i-muravev-apostol-pisma-k-otcu-18211823-g/1821-god/> (дата обращения: 26.05.2024).

европейской войны и похода против новой европейской революции после конгресса в Тропшау, Муравьев-Апостол видит его через синекдоху тела: «...*наши руки* не так уж необходимы» (фр. «*nos bras ne sont plus si nécessaires*» [Там же]). Жизнь с болью была частью обыденного существования большого числа переживших войну людей, их присутствие было ощутимым и меняло социальные дискурсы задолго до артикуляций Толстого. Анализу данных дискурсов и посвящена моя статья.

Для проверки этой гипотезы меня прежде всего будут интересовать нормативные порядки (термин Уильяма Редди) переживания/жизни с болью, характерные для эпохи после Наполеоновских войн. Я анализирую дискурс о травматичном телесном опыте, связанном с войной, ориентируясь на подход, предложенный Робом Боддисом для исследования эмотивных практик переживания боли. Боддис проблематизировал вариативность нормативных правил выражения опыта боли своей и другого через установленный в культуре репертуар эмоций, различающийся у разных групп и классов [Boddice 2014]. Предложенное Боддисом понятие аффективных сообществ, объединенных «моральной экономией» эмоции, может быть инструментализировано в связи с темой данного исследования. Боддис вслед за Уильямом Редди [Reddy 2000: 150] анализировал социальное переживание боли как акт перевода и согласования ощущений с тем, для чего есть арсенал выразительных средств в культуре. Арсенал этот никогда полностью не соответствует болевым ощущениям. Такое рассогласование Редди предлагал определить в фукоистской перспективе как «эмоциональный режим». Боль объективирует свою репрезентативную и мотивационную силу и связанные с ней аффективные, когнитивные и поведенческие компоненты раскрываются через контингентные контексты страха, беспокойства, депрессии и т.д. В рамках данного подхода Боддис и Редди предложили переопределить боль как ранение человека, а не тела, акцентируя аффективный компонент, отгалкивающее чувство травмы или надвигающейся травмы как более важное по сравнению с физиологическими ее симптомами, и проблематизируя связанность травмы физической, психической, социальной и поражения личности [Morriss 1991]. Опираясь на этот подход, я предлагаю рассмотреть арсенал выразительных средств появившихся в культуре в связи с революционными и Наполеоновскими войнами. Однако меня интересуют не только приемлемые в рамках культуры способы выражения эмоций в связи с болью. Необходимое напряжение исследовательского поля возникает благодаря вниманию к тому, что способно производить шок и безмолвие; осознание неприемлемости и несправедливости самой ситуации столкновения с этой шокирующей реальностью способно в то же время вызвать дискурсивный антагонизм [Laclau 2014]. Речь идет о столкновении с травмированным телом (не только физически травмированным), то есть о получении такого травматичного опыта, для которого не существовало приемлемой реакции. Состояние дискурсивного поля, где число столкновений с травматичным из эпизодического перерастает в критическое, важно. Поэтому я также строю свою работу, предлагая посмотреть на проблему с точки зрения ее материальности и в рамках *body history*. Вслед за Роем Портером я анализирую дискурс медицины [Porter 1985]. Меня интересуют новые практики работы с травмированным телом и их *материальные* аспекты, появившиеся в период между двумя европейскими войнами — войной с Наполеоном и Крымской войной. Теоретическая оптика Мишеля Фуко настроена на анализ медицинского зна-

ния, того, как проблематизируются в рамках дискурса норма и боль, как пациент конструируется медицинским знанием, существует как проект и как дисциплинарная практика, подразумевающая не только выполнение предписаний, но и самодисциплину. Рой Портер проблематизировал также экономические аспекты, связанные с развитием культуры обслуживания травмы, рынок и политэкономия боли. Роджер Кутер развернул этот интерес в плане социальной истории медицины, исследовав историю развития ортопедии и клинических практик, связанных с военными травмами, однако основное внимание он уделил лишь концу XIX века [Cooter 1993]. Российская практика интересующего меня периода исследована в рамках истории клинической хирургии и институциональной истории военной медицины [Глянцев 2013; Максимов 2012]. Благодаря диалогу с этими подходами возникает возможность того общего поля, которое меня интересует.

Важным посредником тут могла быть не только семейная память. В русистике давно отмечено сходство прозы Толстого и Альфреда де Виньи [Goodrich 1975: 35; Lednicki 1942: 112—113], поздний Толстой сам признавал это влияние⁶ и использовал строки из романов де Виньи в качестве эпиграфов, в частности из «Неволи и величия солдата», протестуя в статье «Одумайтесь!» против начавшейся войны с Японией словами де Виньи об ужасе от войны, «возмущении совести всякого человека, который видел, как текла кровь его сограждан, или был причиной этого»⁷. Альфред де Виньи принадлежал к одному поколению с братьями Муравьевыми-Апостолами (до начала Наполеоновских войн они, потомки русских и французских аристократов, вместе учились в пансионе в Париже); в отличие от них, де Виньи не участвовал в сражениях, однако два десятилетия спустя именно он стал голосом памяти об этой войне. За два десятилетия до Толстого и публичного признания военно-полевой хирургии и фотографии де Виньи покажет сражение «крупным планом»: ранения, вид развороченных ядром внутренностей (фр. «un boulet lui arracha les entrailles»⁸), которые собирают в мешок, смерть, страх в глазах того, кто убивает, и жертвы от ощущения происходящего, боль, которая помрачает разум, и внезапное просветление разума перед смертью, — он еще отмечает «торжественное величие смерти», но разрушает представление о героизме поединка с противником, который может оказаться юным, испуганным, жалким, «странным врагом».оборот, который он использует («arracha les entrailles»), встречался в дискурсе крайне редко (цифровая библиотека «Gallica» предлагает не более тридцати упоминаний с 1615 по 1825 год); с такой натуралистичностью связывали ужас варварской дикости, сказочных чудовищ, или истязания святых мучеников в языческие времена, — о современной войне так говорить было не принято. В прозе де Виньи это производит шокирующий эффект через тривиализацию дискурса далекой ужасной дикости, людоедской сущности войны, вырванном нутре, как если бы тушу разделявал мясник с улицы Сен Мартен,

6 Толстой Л.Н. Письмо Октаву Мирбо, 1903, 30 сентября (13 октября) // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 74. М.: Художественная литература, 1954. С. 194.

7 Толстой Л.Н. Одумайтесь! // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 36. М.: Художественная литература, 1936. С. 118. Роман Альфреда де Виньи «Неволя и величие солдата» впервые был опубликован в Париже в 1835 году и воспринят как голос поколения, пережившего революционные войны. В канун Крымской войны эта книга вновь стала актуальна и была много раз переиздана.

8 de Vigny A. Servitude et grandeur militaire. Paris: F. Bonnaire, V. Magen, 1835. P. 301.

дегероизируя производимое солдатами *обеих* сторон, в том числе *своими*. Де Виньи и Толстого объединяет не только общая стратегия смерти «крупным планом», но и осознанная необходимость публично начать это обсуждать, «говорить о том, что требует изменений, привлечь всеобщее внимание, законодателей (фр. «l'attention générale... le législateur»⁹), и, исходя из суверенитета народа, предоставить нации решать, зачем ей войны и готов ли каждый взяться за оружие и участвовать в этом. О зверствах в связи с войной было принято говорить, но требовалось усилие, чтобы обратить этот дискурс на себя. Ф.Н. Глинка писал своему другу:

В самых диких лесах Америки, в области каннибалов, едва ли можно видеть такие ужасы, какие представляются здесь ежедневно глазам нашим. <...> У мертвых лица ужасно обезображены. Злость, отчаяние, бешенство и прочие дикие страсти глубоко запечатлелись на них. Видно, что сии люди погибли в минуты иступления, со скрежетом зубов и пеною на устах. На сих лицах не успело водвориться и спокойствие смерти... Перед рассветом страшный вой и стоны разбудили меня. Под нами и над нами множество голосов, на всех почти европейских языках, вопили, жаловались или изрыгали проклятие на Наполеона! Тут были раненные, полузамерзшие и сумасшедшие. Иной кричал: «Помогите! Помогите! Кровь льется из моих ран! Меня стеснили!.. У меня оторвали руку»¹⁰.

Альфред де Виньи заложит начало повествовательной стратегии о войне, использованной и развитой Львом Толстым: она построена на постоянном напряжении между эксцессом (травмой) и обыденностью (тривиальным опытом, который дополняется новой *рутинностью* травмы). В одной из сцен он описывал историю раненого капитана:

Раненому отняли ногу, но у него начался жар, не предвещавший ничего хорошего... Раненого отнесли в дом к некоей вдове, которая держала мелочную лавку на одной из глухих улиц предместья и жила там одна с малолетними детьми. Она ни на минуту не побоялась, что может навлечь на себя дурные толки соседей... Военные врачи, которых пригласили на дом, сочли невозможным перевозить капитана после операции куда бы то ни было; вдова оставила его у себя и нередко просиживала целую ночь у его постели... Она была очень бледна, а в воспаленных глазах сквозила усталость¹¹.

Эпизод этот был связан с констатацией, что война производила число жертв, которое политика и официально заявленная властями медицинская служба категорически не способны были поглотить. Толстой эхом отзовется в романе на эту практику: «Князь Андрей, в числе других *безнадежных* раненых, был *сдан на попечение жителей*»¹². Множество подобных эпизодов наполняют семейную переписку и память. Много лет спустя, пройдя через каторгу и ссылку, декабрист С.П. Трубецкой писал дочери Зинаиде и ее мужу Николаю Свербеву, отправившимся в путешествие за границу:

9 Ibid. P. 8.

10 Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М.: Терра, 2009. С. 333.

11 де Виньи А. Неволя и величие солдата / Пер. с фр. А.А. Энгельке. Л.: Наука, 1968. С. 127–128.

12 Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 1. С. 360.

Если бы я знал, что вы будете в Лейпциге, я бы просил вас навеститься о семействе моей хозяйки, которая меня *долго ходила, когда я лежал там раненый*. Сама мне Schumann и зять ее Leopoldt, вероятно, уже на том свете, но у той и у другого были дочери и по общим законам природы должны еще жить¹³.

В романе де Виньи раненый капитан пишет завещание на хозяйку и ее наследников, четверых старых солдат-гренадеров, которые вынесли его с поля боя, тех, кто пытался в общем хаосе войны спасти его жизнь. Сословные, национальные границы, границы обыденных приличий, родства, условностей — все рушится в этом хаосе, их место занимают новые, как показывает пример Трубецкого, прочные солидарности и чувство равной причастности друг другу.

Об этих ранах обычно знали в семье:

Друг мой, ты все беспокоишься о моем здоровье, поверь мне, друг милый, что я совершенно здоров; ты знаешь, что я никогда не лгал, и стал ли бы я тебя обманывать? Я тебе обещал не скрывать от тебя, если бы я занемог. А мое нездоровье так было незначуще, что я и не думал, что об нем будут доносить. Я больше брал предосторожности, чтобы не занемочь; *крови же у меня несколько не вышло*¹⁴.

О ранах с тривиальной регулярностью писали близким, и о ранах информировали бюрократов, от которых зависело изменение режима для подающего прошение — назначение отпуска, отставки, пенсионера, отмена взыскания, изменение режима содержания: «...велено принимать прозбы тех только, кои за ранами, или по болезни продолжать службы не могут... прозб же по домашним обстоятельствам подавать нельзя»¹⁵. Бюрократические документы скупко фиксируют незаживающие годами раны как часть повседневной обыденной реальности: прошения и рапорты подавали десятилетия спустя после окончания войны. Вот как в 1826 году, во время следствия, о ранах говорили декабристы: «...я получил отпуск ехать к водам; рана, которую я получил при Кульме пред сим открылась... в сентябре 1822 года я подал в отставку за раной, которую я получил 17 августа 1813 года под Кульм. Штаб-лекарь Полтавского пехотного полка меня освидетельствовал, рана моя была открыта»¹⁶; «...здоровье расстроено одиннадцатью ранами, в сражениях полученными... беспрестанно лечился за ранами»¹⁷; «...имею правую руку совершенно раздробленную и несколько на оной открытых ран»¹⁸; «...10 ноября 1824 года

13 *Трубецкой С.П.* Письмо дочери Зинаиде и ее мужу Н.Д. Свербеевым, Киев, 18/30.3.1858 // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности: В 2 т. Т. 2. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1987. С. 336.

14 *Трубецкой С.П.* Письмо жене Е.И. Трубецкой, Благодатский рудник, 30 января 1827 // Там же. С. 83—84.

15 *Муравьев-Апостол С.И.* Письмо отцу, И.М. Муравьеву-Апостолу, Васильков, 25 ноября 1821 года // <http://decabristy-online.ru/doc/dok3-pravilnaya-perepiska/s-i-muravev-apostol-pisma-k-otcu-18211823-g/1821-god/> (дата обращения: 26.05.2024).

16 *Муравьев-Апостол М.И.* Показания, 22 января 1826 года // Восстание декабристов. Т. IX. М.: Госполитиздат, 1950. С. 193, 199, 217.

17 *Батенков Г.С.* Показания, 22 марта 1826 года // Восстание декабристов. Т. XIV. М.: Наука, 1976. С. 93.

18 *Булатов А.М.* Письмо на имя вел. кн. Михаила Павловича, 25 декабря 1825 года // Восстание декабристов. Т. XVIII. М.: Наука, 1984. С. 309.

уволен в отпуск до излечения раны, полученной в сражении пулею в голову»¹⁹; «...в 1823 году 24 июня в сражении я ранен пулей в голову навьлет, с открытой раной прослужив полгода... довел себя до совершенного изнурения... два раза мне делали жесточайшие операции, вынули из раны раздробленные кости и куски свинца, и я пять месяцев был в муках неизъяснимых»²⁰; «...изувечен ранами»²¹ (о полковнике Георгии Канчиялове). Раны отмечены в формулярных списках каждого десятого из подследственных в это время, при этом характер ранений — раздробление кости (М.А. Фонвизин), контузии в грудь или голову (А.Ф. Бриген, Ф.Г. Кальм, И.С. Повало-Швейковский), штыковые раны — указывал на неизлечимый характер, а сами отметки в формуляре были связаны с поданным прошением об отпуске для лечения за границу (С.Г. Волконский, В.Л. Давыдов) или об отставке в связи с невозможностью продолжать службу. О нищенском существовании «по причине открывшихся ран» и расходах на лекарства и докторов жаловался Иосиф Горский, получивший за время войны семь огнестрельных ран²². Каждый третий из арестованных имел знаки отличия, обычно указывавшие на ранение. Почти пятнадцать лет спустя после окончания войны о каторжанине Трубецком напишет тюремное начальство: «...бывает одержим кровохарканьем от прежде полученной раны»²³.

Толстой фиксировал внимание публики на страданиях от медицинской помощи, умножающих боль, а не избавляющих от нее:

Он потерял сознание от страшной боли, которую причинили ему укладывание на носилки, толчки во время движения и санирование раны на перевязочном пункте. <...> К утру все мечтания смешались и слились в хаос и мрак беспомощности и забвения, которые гораздо вероятнее, по мнению самого *Ларрея*, доктора Наполеонова, должны были разрешиться смертью, чем выздоровлением²⁴.

В данном случае ему важно было и опровергнуть стереотипное мнение об «образцовой медицинской службе Наполеона», которой неумело подражали русские: его героя пользует легендарный создатель наполеоновской полевой медицинской службы, но и эта практика умножает страдания героя.

После окончания войны отличия национальных школ хирургии стали предметом публичного обсуждения. В Британии при ампутациях начали иссекать не только пораженные ткани, но и нерв, чтобы купировать по возможности послеоперационные фантомные боли. Кроме того, при операции призывали учитывать возможность дальнейшего протезирования в коленном или локтевом суставе. Характерно, что авторы русских пособий по хирургии, основанных на экспериментальном оперировании «простолудинов», не упоминали о возможности протезирования, они были сфокусированы на необходи-

19 Формулярный список А.И. Якубовича // Восстание декабристов. Т. II. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 279.

20 *Якубович А.И.* Ответы на вопросные пункты 25 декабря 1825 года // Там же. С. 285.

21 *Лорер Н.И.* Ответы на вопросные пункты, январь 1826 года // Восстание декабристов. Т. XII. М.: Наука, 1969. С. 48.

22 *Горский О.В.* Письмо на имя А.Я. Сукина, 22 декабря 1825 года // Восстание декабристов. Т. XV. М.: Наука, 1979. С. 87.

23 *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 2. С. 471.

24 *Толстой Л.Н.* Война и мир. Т. 1. С. 360.

мости оставить при ампутации культю максимально возможного размера, чтобы сохранить «трудоспособность несчастного». Десятилетия после окончания войны британская и французская хирургия была занята вопросами перелечивания ран, для русской же работу давали только новые несчастные случаи. Жизнь с болью или физической тяжестью от измененного войной состояния тела рассматривалась как проблема классовая: поехать в Англию перелечивать рану стоило для многих целого состояния и зависело от возможностей или поддержки аристократических семей. Сын генерала Раевского Александр, чтобы перелечить старую рану, получил отпуск, но мог это сделать в России; М.С. Воронцов выписал из Британии хирурга, Уильяма Хатчинсона, который перелечивал «весь свет»: «Александрю гораздо лучше, что до его ноги; его врач сделал рассечение больного места, чтобы перерезать нерв, который причинял ему боль, и после этой операции ему гораздо лучше», — сообщал в 1823 году Сергей Муравьев-Апостол отцу²⁵. Воронцов видел в этом дело не частное, а гражданское, год спустя, в мае 1824 года он включил этот случай в рапорт на имя Александра I:

В числе военных чиновников, в Одессе находящихся, проживает здесь полковник 6-го Егерского полка Раевский... Он, будучи долго весьма болен, уволен за границу до излечения еще в 1822 году, но, познакомившись в Белой Церкви с доктором, приехавшим со мною из Англии, начал у него лечиться и, следуя советам, нашел отъезд в чужие края ненужным, ибо в продолжении немного больше года приведен из *отчаянного* почти состояния в положение, по сравнению с прежним здоровое (цит. по: [Аринштейн 1975: 69]).

Риторика сострадания «бедственному», «отчаянному» положению, «*rauvre malade Alexandre*», страданий («*souffrant*»), которые можно прекратить при правильном лечении²⁶, в этих примерах показывает социальность боли. О страданиях узнавали по исключению из светской жизни и по семейным каналам, как раньше просили молитв: «...о бедном Александре, которому стало хуже, чем когда-либо, и который *не смог принять участие* в увеселениях»²⁷.

Врачебная помощь, перелечивание, повторная операция и, конечно же, протезирование осознавались в свете как инструменты классовые. Лев Толстой вставит в роман «Война и мир» сцену дискуссии между сторонником равного доступа к медицине (Пьер Безухов) и сохранения классового принципа (Андрей Болконский), для нас важны аргументы последнего, проверенные опытом войны:

Больницы, лекарства. У него удар, он умирает, а ты пустил ему кровь, вылечил. Он калекой будет ходить 10-ть лет, всем в тягость. Гораздо покойнее и проще ему умереть. Другие родятся, и так их много. Ежели бы ты жалел, что у тебя лишний работник пропал — как я смотрю на него, а то ты из любви же к нему его хочешь лечить. А ему этого не нужно. Да и потом, что за воображенье, что медицина

25 *Муравьев-Апостол С.И.* Письмо отцу, И.М. Муравьеву-Апостолу, Васильков, 13 января 1823 года // <http://decabristy-online.ru/doc/dok3-pravilnaya-perepiska/s-i-muravev-apolstol-pisma-k-otcu-18211823-g/1823-god/> (дата обращения: 26.05.2024).

26 Там же.

27 *Муравьев-Апостол С.И.* Письмо отцу, И.М. Муравьеву-Апостолу, Васильков, 10 декабря 1822 года // <http://decabristy-online.ru/doc/dok3-pravilnaya-perepiska/s-i-muravev-apolstol-pisma-k-otcu-18211823-g/1822-god/> (дата обращения: 26.05.2024).

кого-нибудь и когда-нибудь вылечивала! Убивать так! — сказал он, злобно нахмурившись и отвернувшись от Пьера²⁸.

Толстому важно зафиксировать рациональность этого аргумента: «Князь Андрей высказывал свои мысли так ясно и отчетливо, что видно было, он не раз думал об этом, и он говорил охотно и быстро, как человек, долго не говоривший. Взгляд его оживлялся тем больше, чем безнадежнее были его суждения»²⁹.

Солдаты ходят в торговую баню — там с ними случаются кровотечения, и так публика замечает увечья. Кровотечения случаются с солдатами на паперти — их отгаскивают подальше от храма, доставляют в больницу для бедных или полковой госпиталь. «Кому из нас не случалось видеть сих старых воинов во всякие часы дня повергающихся на помост храма... лица, в славных битвах изъязвленные.. старцев больных и убогих», — высокопарно писал «Вестник Европы» после войны³⁰. В день первой годовщины Кульмского сражения царь учреждает комитет о раненых, дабы «принимать просьбы и пецись о доставлении возможного вспомошествования» неимущим изувеченным офицерам³¹. Издатель газеты «Русский инвалид» начинает подписку в пользу раненых нижних чинов. В 1830-е годы эта практика всплывает в публичном дискурсе историей капитана Копейкина из гоголевских «Мертвых душ», который безуспешно добивался назначения обещанного пенсионера. Показательна и дискурсивная стратегия нового медицинского журнала. В 1823 году Военное министерство и его медицинский департамент по инициативе директора Виллие (президента Медико-хирургической академии) и вице-директора Гейрота начали издавать русскоязычный (на немецких источниках) ведомственный «Военно-медицинский журнал», толстый, с литографиями, выходявший раз в два месяца. Подписка была обязательной для армейских военных врачей, как возможность их профессионального совершенствования в армии (стоила она 10 рублей серебром, что было дешевле, чем выписывать европейские аналоги). Но журнал был адресован и светскому читателю и читательницам, кому подписка обходилась чуть дороже, — 15 рублей (на эти деньги можно было полмесяца жить в Санкт-Петербурге, по тогдашним ценам на продукты и аренду недорогого жилья). Открывалось издание переводными статьями из британских журналов о передозировке колониальным опиумом. Недавняя война с Францией упоминалась в этом журнале только в контексте обсуждения «заразы, принесенной русскими войсками из Франции возвратившимися» — глазной болезни. В связи с ранениями в журнале не упоминали про войну, а ампутации и хирургические иссечения тканей обсуждали только в связи с несчастными случаями, самострелами и преимущественно на примере штат-

28 Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 2 // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 10. М.: Художественная литература, 1938. С. 112.

29 Там же.

30 Неккер Ж. Инвалиды у подножия олтарей (Из книги «De l'importance des opinions religieuses», par Necker) / Пер. с фр. Н.Иванч[ин-]Писарев // Вестник Европы. 1814. Ч. 75. № 11. С. 199–200.

31 Александр I. Приказ по армии об учреждении комитета о раненых, 18 августа 1814 года (цит. по: Столетие Военного министерства) / Ред. Д.А. Скалон. Т. XIII. Кн. 1. Александровский Комитет о раненых. Исторический очерк / Сост. Д.И. Березков, Н.А. Штофф. СПб., 1902. С. 36.

ских. Ампутация была представлена как крайнее средство после нескольких месяцев безуспешного лечения раздробленной конечности, которая начинала гноиться: «...медики предлагали ремесленнику операцию отнятия целой кисты, на что больной никак не соглашался, ибо сим отнималась у него вся возможность доставлять своим ремеслом пропитание жене и детям»³². Как уже отмечалось выше, доступ к медицине и хирургическая операция являлись классовым инструментом, что отчетливо сознавали в то время.

Национальные дискурсы медицины в целом, военной хирургии и связанной с ней индустрии протезирования в частности, показывают значимые дисциплинарные отличия. В Британии во второй половине XVIII века в парламенте и печати разворачивалась широкая дискуссия в связи с обсуждением проблемы безопасности частной собственности в городах и имениях, в ходе которой обсуждалась моральная ответственность домохозяев за возможные увечья, причиненные при отражении возможного вторжения грабителей или разбойников. На рынке появились новые изобретения, «капканы на чело- века», которые предлагались публике как надежная защита собственности. Капканы стоили недешево в сравнении с услугами сторожа. Однако дискурс был перенесен в моральную плоскость. Продавцы и производители приспособления утверждали, что главное его достоинство в том, что оно не испытывает эмоций, действует без колебаний, не подведет, в отличие от слуги или младших домочадцев, души которых машина способна избавить таким образом от греха человекоубийства или членовредительства. Однако именно в моральной плоскости возникал вопрос: действуя без колебаний, техника, безусловно, увеличит число возможных увечий, кто же возьмет на себя попечение о заблудших, но не погубленных страдальцах? Дело ли это церкви и приходской благотворительности, как и прежде, или же самих предпринимателей и собственников, которые должны платить налог на капканы? Внимание в печати привлекали рисунками и гравюрами с изображением искалеченных преступников. Все они опирались на самодельные деревянные протезы и костыли, железный крюк на деревяшке мог заменять руку. Закрепить их на неоперированной культе было непросто, кожаные ремни были не по карману нищим, дерево натирало рану (сохранившиеся в музее хирургические экспонаты дополнены ватными повязками для желательного предохранения культи от натираний, экспонаты доступны на портале «Science Museum Group»³³). В массовой печати часто протезы упоминались в контексте сообщений «о бандитах, достойных повешения за воровство, притворявшихся хромыми с костылем и протезом»³⁴. Лишь эпизодически в британской прессе второй половины XVIII века публикуются объявления об услугах мастера, производящего бандажи и протезы («artificial leg»). Начало войны с революционной Францией заметно демократизирует и гуманизирует этот дискурс: в 1790-е годы производители подчеркивают в объявлениях функциональность и легкость протезов, удобство крепления, возможность при его помощи «выполнять все необходимые функции» тела. К моменту окончания войн с наполеоновской Францией

32 Шуллер Ф. Хирургические замечания // Военно-медицинский журнал. 1825. Ч. 5. № 1. С. 78–79.

33 https://collection.sciencemuseumgroup.org.uk/search/object_type/artificial-legs (дата обращения: 26.05.2024).

34 Fréville A.-F.-J. Histoire des chiens célèbres. Т. 1. Paris: Louis, 1808. Р. 104.

в британских газетах разворачивается дискурс о доступных для бедных протезах, изготовленных профессиональными мастерами. Статистика начинает учет раненых, инвалидов, ветеранов, газеты публикуют сообщения, в которых подсчеты опережает только растущая инфляция. Разорение, причиненное войной, и телесные повреждения становятся предметом дебатов в парламенте в 1818 году, что закончится признанием общей беды и разорения народа Англии, где в каждой семье есть свой инвалид, а значит, «утешение и поддержка» — дело семейное. Новый взрыв внимания произойдет только через полтора десятилетия, когда про «crippled veterans», «искалеченных ветеранов, которые не могут напомнить о себе публике», снова вспомнят и начнут публично обсуждать моральную экономию причиненных войной страданий.

И тем не менее британский дискурс был единственным, где ставился вопрос о протезировании солдат за счет нации. Во Франции основной акцент был сделан на новой практике ампутаций: «Главная ошибка хирурга — превратить тело в невозможное для использования протеза»³⁵. Наполеон бравировал, обещая ветеранам новые семьи, сатирическая литература обыгрывала мотивы физической привлекательности: «...брат вернулся гораздо лучше; ему вставили стеклянный глаз и протез руки: он все еще мог нравиться. Его присутствие доставило нам радость»³⁶. На грани иронии и успокоения публики писали, что для приличия и внешней привлекательности достаточно и «фальшивой ноги» как театрального реквизита, использовавшегося в балаганах, чтобы изображать на подмостках всадников на лошадях³⁷. Иронизируя над протезами прежних эпох, скрывавших увечье под рыцарскими доспехами, в наполеоновское время протезы хвалили за их легкость, правильную форму, а хирургов за их искусство: «...еще не было примера, чтобы человек после столь недавней ампутации смог воспользоваться полезным изобретением»³⁸. В эпоху Наполеоновских войн французские производители протезов механики фирмы «Уде и Лакруа» подчеркивали, что крепятся протезы ремнями, как португеза, придавая бравый и brutальный, тривиальный для военного человека образ.

В светском обществе еще был востребован старый дискурс барокко с его любованием слабостями и несовершенством тела, а протезами как механическими вещами, которые могут восполнить физическое несовершенство [Faulkner 2002]. Автоматоны XVIII века, искусственные куклы, приводимые в движение сложным механизмом, по подобию механизма городских часов, демонстрировали способность владеть пером и держать чашку. Первые эксперименты во Франции с протезами-автоматонами начались еще на рубеже XVII—XVIII веков. Королевская Академия наук сообщала о новом изобретении — механической руке, выполненной аббатом Биньоном. В 1760 году шевалье Лоран изобрел новый механический протез, позволявший «солдату, ко-

35 *Larrey D.J.* Dissertation sur les Amputations des Membres. Paris: M.D. École de Médecine de Paris, 1803; *Idem.* Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. Vol. 3. Paris: J. Smith, 1812. P. 393. Ср.: *Bell J.* Discourses on the Nature and Cure of Wounds. Edinburgh: Printed for Bell & Bradfute; London: T. Cadell Junr and W. Davies, 1795.

36 *Gacon-Dufour M.-A.-J.* La femme grenadier, nouvelle historique. Paris, 1801.

37 *Simond L.* Voyage d'un Français en Angleterre pendant les années 1810 et 1811: avec des observations sur l'état politique et moral, les arts et la littérature. Vol. 2. Paris: Chez Treuttel et Würtz, 1816.

38 *Briot P.-F.* Histoire de l'état et des progrès de la chirurgie militaire en France pendant les guerres de la Révolution. Besançon: Gauthier, 1817. P. 186—187.

торому оторвало обе руки и у которого от ампутированной стороны осталось всего пять дюймов культи, пить и есть, нюхать табак и писать». «La Gazette» разнесла эту новость по всей Европе³⁹. Придворные развлечения старого порядка активно эксплуатировались в бонапартистском дискурсе. Наполеон снисходительно осматривал при дворе принца Нешателя автоматон-шахматиста, представленный изобретателем Кемпеле с точки зрения возможного усовершенствования описанного в 1760 году протеза. После окончания войны публицисты много раз возвращались к этому анекдоту и подчеркивали, что хирурги и тогда с иронией смотрели на эту «забавную игрушку ремесленника»⁴⁰. Медицина предъявляла к протезированию уже совсем иные требования.

В письмах, отправленных домой офицерами российской армии, в русских текстах упоминаются обычные деревянные костыли, трости, деревянные протезы, которые в Британии были уделом простолюдинов. Раненых на поле боя официальная статистика исчисляла тысячами, в частных письмах среди них выделяли знакомых или известных военачальников, о тяжелых ранениях которых передавали новости («Маршалу Даву оторвало ногу... У Моро отняли обе ноги, у Остермана — одну руку... Граф Сен-При серьезно ранен» [1812—1814. Дневники... 1992]), очень скоро смерть от полученных ран лавиной накрывает общество⁴¹, но пока этого не произошло, сразу же после «битвы народов» в Лейпциге императрица Елизавета Алексеевна устроила публичный прием для раненых и увечных. Двор и аристократия предпринимали демонстративные усилия, чтобы добыть молодым героям протезы лучших европейских мастеров. Великая княгиня Мария Павловна (герцогиня Саксен-Веймарнская) выполняла просьбу супруги князя Николая Григорьевича Репнина-Волконского, который в это время правил Саксонией с титулом вице-короля, из Веймара она отправила для Евграфа Давыдова (знакового по общему кругу) «le jambes postiches», искусственную ногу немецкого мастера-механика, надеясь, что «она облегчит (soulagé) его». «Мне кажется, этому механику следовало бы иметь целую мастерскую искусственных рук и ног, и я уверена, что это было бы заслугой в нынешнее время, когда столько безруких и безногих», — добавляла она⁴². Николаю Кривцову под Кульмом ядром оторвало ногу, позже в Лондоне вместо русских деревянных костылей ему сделали пробковый протез, с которым, как уверяли, он мог танцевать⁴³. Как бы то ни было, подобные протезы стоили целое состояние и даже в столичном свете были доступны далеко не всем. На балах новые тела воинов сравнивали с античными статуями героев, лишенных рук или ног, но не утративших привлекательности. Однако этот

39 La Gazette. 1760. 20 décembre. P. 615.

40 Mémoires pour servir à la vie d'un homme célèbre / Par M. M***. Paris: Plancher, 1819. P. 10—11.

41 «Подсчитано, что в 6 битвах первого периода войны (отступление), включая Бородинское сражение, русская армия теряла до 27 % бойцов в каждом сражении. При этом каждый третий был убит, а двое из трех ранены. Эффективных антисептических приемов при лечении раненых тогда еще не существовало, а основным способом не допустить развития гангрены являлась ампутация» [Глянцев 2013: 97].

42 Мария Павловна, вел. кн. Письмо кн. В.А. Репниной, Веймар, 21 апреля / 3 мая 1814 // Русский архив. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1877. Кн. 1. С. 301—302.

43 Гершензон М.О. Декабрист Кривцов и его братья. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914. С. 10.

классический дискурс, воспроизводящий внешний взгляд, наталкивался на другой, также классический опыт внутренней субъективации боли. Опыт войны актуализировал среди поколения участников дискурс об античной культуре самоубийства. П.И. Пестель, тяжело раненый при Бородино, показывал:

Во время войны, видя часто жестокая раны и страдания тех, которые неминуемо должны были умереть, особенно неприятелей лежащих на местах сражения, возымел я желание иметь при себе яд дабы посредством одного, ежели смертельным образом ранен буду, избавиться от жестоких последних мучений. Сия мысль особенно во мне усилилась во время Лейпцигского сражения; и потому по взятии города нашел я сей яд в одной аптеке и дал за него червонец. Я его все время хранил секретно⁴⁴.

Характерна его неготовность публично гуманизировать страдания или обсуждать мучения своих (традиционная ссылка на «позорище неприятелей»).

Внимание света было сфокусировано на особенностях тела как знаках войны. Они тривиализировались, оказываясь частью светского дискурса в пушкинское время. Увечьями бравировуют. Пушкин записывает в дневнике в декабре 1833 года анекдот про генерала Скобелева: «...безрукий сказал кн. В-ой: я отдал бы последние три пальца для такого торжества!»⁴⁵. Увечьями оправдывают («будто потерянный глаз и оторванная рука дают полное право и криво судить и не уметь писать по-русски?»⁴⁶). В пушкинское время увечье как знак воинского подвига в свете противопоставляется дендизму как культурному жесту, позволяющему игнорировать дискурс войны: «...муж в сраженьях изувечен, нас за то ласкает двор»⁴⁷; в николаевское время оно воспринимается как знак боевого опыта, но в связи с ним оспаривается отождествление умения командовать и руководить: «Государь видел в нем только изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное местечко в доме инвалидов»⁴⁸.

Важным культурным жестом в ответ на дендизм становится в 1830-е годы проповедь в миру. Подражание этому мы увидим в знаменитых письмах П.Я. Чаадаева; сослуживец Муравьевых-Апостолов по Семеновскому полку, он выходит в отставку, как многие, после Семеновской истории и линчевания героев войны, заявив, что служить ему дорого. Матвей Муравьев-Апостол тогда же выходит в отставку и ссылается на открывшуюся рану, его брат Сергей сожалеет, что из-за дисциплинарного взыскания (он находился в полку во время выступления) не может последовать за ним. Жалобы на армейскую скуку, светскую пустоту наполняют письма этого времени. Дендизм как культурная практика объединяет многих из этого поколения в 1820-е годы. Ксавье Равиньян, Альфред д'Орсе, Альфонс Гратри и другие соученики братьев Муравьевых-

44 Пестель П.И. Показания // Восстание декабристов. Т. IV. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 173.

45 Пушкин А.С. Дневники // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 8. Л.: Наука, 1978. С. 26.

46 Пушкин А.С. Мои замечания об русском театре // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 7. Л.: Наука, 1978. С. 7.

47 Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 5. Л.: Наука, 1978. С. 161.

48 Пушкин А.С. Дневники // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т. 8. С. 10.

Апостолов по парижскому пансиону не исключение. Но в конце 1820-х годов они неожиданно принимают сан и начинают публичную проповедь. В христианской публичной речи, отличной от проповеди и приближавшейся к политическому выступлению в период между двумя французскими революциями, 1830 и 1848 годов, дискурс о ранениях вначале присваивается католицизмом, а позже возвращается в политику, дополненный новыми библейскими коннотациями. Однокашник братьев Муравьевых-Апостолов по парижскому пансиону Альфонс Гратри использует слово *blessé*, как и Равиньян, говоря о страданиях Христа, цитируя книгу пророка Исая: «Он изъязвлен (*blessé*) был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Исайя 53:5). Через дискурс о ранах Гратри объяснял любовь к ближнему, напоминая Евангельскую притчу о добром самарянине, о милосердии путника на дороге, он проповедовал, что ближний — это тот, кого «мы встречаем на дороге побежденным или раненым (*blessé*)», ему мы призваны по-христиански служить и любить, как самого себя⁴⁹. Он пытался противопоставить известной революционной триаде новую — интерпретируя гражданскую доблесть служения отечеству через служение семье и ближнему: «...помогать и любить семью, отечество, человека, кем бы он ни был, оказавшегося *раненым* рядом с нами»⁵⁰. «Ранить» в его проповеди — метафора, призванная объединить тех, кто живет рядом с искалеченными войной, — каждый может почувствовать себя раненым, непринятым обществом, ощутить свое внутреннее увечье и уродство, намного превосходящее шокирующий вид произведенных войной тел («что ранит, так это презрение и ирония», ранят душу страсти и пороки⁵¹). И если ранение способно изуродовать всего лишь тело, помыслы уродуют разум («*la raison mutilé*»), грехи уродуют образ Божий в человеке: «...в этом веке большинство людей терпят поражение в борьбе или выходят из него больными, изуродованными, навсегда ослабленными в своей нравственной жизни»⁵². Он говорил об «искалеченной справедливости» («*la justice mutilée*»), искалеченной Европе («*c'est mutiler l'Europe*»⁵³). Как и Гратри, Равиньян писал, что «каждый человек искалечен и глубоко ранен грехом... образ Божий искалеченный (поврежден) в нас»⁵⁴. Он сравнивал несение креста увечной человеческой сущности с ратным подвигом, и также в своей проповеди затрагивал тему беззакония, но уже не в моральном, а юридическом смысле, говоря о греховности незаконного приговора, которая ранит души тех, кто считает себя христианином и стремится к общему благу, подготовив тем самым возможность дискурса о беззаконии войны. Альфонс Гратри проповедовал, что мученичество солдат «более жестокое, чем у святых»:

...разве в священстве или религиозной жизни больше горя и скорби, чем в любом другом жизненном пути, например в жизни солдата?.. Двадцатилетний юноша

49 *Gratry A. La Morale et la Loi d'Histoire. Vol. 2. Paris: Charles Douniol et J. Lecoffre, 1868. P. 61.*

50 *Gratry A. Les Sources. Paris: Charles Douniol et Librairie, 1862. P. 114.*

51 *Gratry A. Une étude sur la sophistique contemporaine. Paris: Charles Douniol, 1851. P. 165.*

52 *Gratry A. Crise de la foi: trois conférences philosophiques de Saint-Etienne du Mont Paris: Charles Douniol, 1863. P. 3.*

53 *Ibid. P. 210, 227.*

54 *Ravignan X., de. Conférences du Révérend Père de Ravignan de la compagnie de Jésus. Vol. 4. Paris: Poussielgue-Rusand, 1860. P. 159—160.*

покидает Сен-Сир, полный безграничной энергии и безудержного мужества. Через месяц он в своем первом бою, горя энтузиазмом. Он ранен, лежит на земле тридцать часов; затем, поскольку ампутация проведена слишком поздно, спустя два дня он умирает в карете скорой помощи, я знал его⁵⁵.

Дискурс его проповеди своим натурализмом превосходил дискурс де Виньи и напоминал дискурс Толстого и перекликался с антивоенным дискурсом Анри Дюнана, писавшего:

Несчастные раненые, которых подбирают в течение дня, бледны, синеют, изнемогают; некоторые, особенно глубоко *изуродованные*, имеют ошеломленный вид и как будто не понимают, что им говорят: они упираются в тебя дикими глазами; но эта кажущаяся протрация не мешает им чувствовать свое страдание, другие же беспокойны и их бьет судорожной дрожью; те, у кого зияют раны, где уже начало развиваться воспаление, словно обезумели от боли, требуют, чтобы их прикончили, и корчатся, сморщив лица, в последних объятиях агонии... вот он лежит в грязи, в пыли и залит своей кровью⁵⁶.

И вместе они зывали не только к объективному видению, но и к очищающему состраданию. Опыт рутинного сосуществования рядом с теми, кто выжил в революционных войнах и жил с постоянной болью, производит новый язык политики. Он объединит это поколение через национальные и политические границы и произведет новый опыт раньше, чем для его обсуждения в России появится публичное пространство и Толстой начнет свою антивоенную речь.

Библиография / References

- [1812—1814. Дневники... 1992] — 1812—1814. Дневники офицеров русской армии. Из собрания Государственного исторического музея / Сост. Ф. А. Петров и др. М.: Терра, 1992.
- (1812—1814. Dnevniky ofitserov russkoy armii. Iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo museya. Moscow, 1992.)
- [Аринштейн 1975] — *Аринштейн Л.М.* Одесский собеседник Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии* / Под ред. М.П. Алексеева. Вып. 13. 1975. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. С. 58—70.
- (*Arinshtein L.M.* Odesskiy sobesednik Pushkina // *Vremennik Pushkinskoy komissii* / Ed. by M.P. Alekseev. Iss. 13. 1975. Leningrad, 1979. P. 58—70.)
- [Глянцев 2013] — *Глянцев С.П.* Лечение боевых ран русскими хирургами в 1812 году // *Хирургия. Журнал им. Н.И. Пирогова*. 2013. № 6. С. 96—100.
- (*Glyantsev S.P.* Lechenie boevykh ran russkimi khirurgami v 1812 godu // *Khirurgia. Zhurnal im. N.I. Pirogova*. 2013. No. 6. P. 96—100.)
- [Зорин 2001] — *Зорин А.* Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- (*Zorin A.* Kormya dvuglavogo orla. Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii v posledney treti XVIII — pervoy treti XIX vv. Moscow, 2001.)
- [Калинин 2012] — *Калинин И.* Севастополь в августе 1855. Война, фотография и хирургия: рождение поэтики модерна // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 116. С. 32—75.

55 *Gratry A.* Henri Perreyve. Paris: Jacques Lecoffre, 1866. P. 54.

56 *Dunant H.* Un souvenir de Solférino. Genève: Joel Cherbuliez, Libraire, 1862. P. 33.

- (*Kalinin I. Sevastopol v avguste 1855. Voyna, fotografiya i khirurgiya: rozhdenie poetiki moderna // Novoe literaturnoe obozrenie. 2012. No. 116. P. 32—75.*)
- [Лышковская 2010] — *Лышковская И.Н.* Смоленское разорение 1812 года: документы Государственного архива Смоленской области, 1812—1820 годы. Смоленск: Свиток, 2010.
- (*Lyshkovskaya I.N. Smolenskoe razorenie 1812 goda: dokumenty Gosudarstvennogo arkhiva Smolenskoj oblasti, 1812—1820 gody. Smolensk, 2010.*)
- [Максимов 2012] — Московский военный госпиталь и медицина России в Отечественной войне 1812 года / Под ред. И.Б. Максимова. М.: Эко-Пресс, 2012.
- (*Moskovsky hospital' i meditsina Rossii v Otechestvennoy vojne 1812 goda / Ed. by I.B. Maksimov. Moscow, 2012.*)
- [Чистякова 2013] — *Чистякова В.О.* Отечественная война 1812 года в нарративах «популярной культурной памяти» // *Артикульт.* 2013. № 11. С. 32—45.
- (*Chistyakova V.O. Otechestvennaya voyna 1812 goda v narrativakh "populyarnoy kul'turnoy pam'yati" // Artikel't. 2012. No. 11. P. 32—45.*)
- [Boddice 2014] — *Pain and Emotion in Modern History / Ed. by R. Boddice. Berlin: Palgrave, 2014.*
- [Cooter 1993] — *Cooter R.* Surgery and Society in Peace and War: Orthopaedics and the Organization of Modern Medicine, 1880—1948. London: Palgrave Macmillan, 1993.
- [Faulkner 2002] — *Faulkner A.* Casing the joint: the material development of artificial hips // *Artificial Parts and Practical Lives: Modern Histories of Prosthetics / Ed. by K. Ott, D. Serlin and S. Mihm. New York, 2002. P. 199—226.*
- [Goodrich 1975] — *Goodrich N.L.* Novels of War and Peace: Balzac to Barbusse // *Pacific Coast Philology. 1975. Vol. 10. P. 35—39.*
- [Huppauf 1993] — *Huppauf B.* Experiences of Modern Warfare and the Crisis of Representation // *New German Critique. 1993. No. 59. P. 41—77.*
- [Laclau 2014] — *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. New York: Verso Books, 2014.
- [Lednicki 1942] — *Lednicki W.* Alfred de Vigny et les slaves // *Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences in America. 1942. Vol. 1. No. 1. P. 111—117.*
- [Morris 1991] — *Morris D.B.* The culture of pain. Berkeley; Oxford: University of California Press, 1991.
- [Porter 1985] — *Porter R.* Patients and practitioners: Lay Perceptions of Medicine in Pre-industrial Society. Cambridge University Press, 1985.
- [Reddy 2000] — *Reddy W.M.* Sentimentalism and its Erasure: The Role of Emotions in the Era of The French Revolution // *Journal of the Modern History. 2000. Vol. 72. No. 1. P. 109—152.*
- [Starn 1984] — *Starn R.* and Partridge L. Representing War in the Renaissance: The Shield of Paolo Uccello // *Representations. 1984. No. 5. P. 32—65.*
- [Trachtenberg 1985] — *Trachtenberg A.* Albums of War: On Reading Civil War Photographs // *Representations. Special Issue: American Culture Between the Civil War and World War I. 1985. No. 9. P. 1—32.*